

„КОЛЛЕКТИВИЗМЪ“.

(Изъ лекціи А. Н. — Лисовскаго).

Русская литература XIX стол., отъ Пушкина и вплоть до Чехова, производитъ такое впечатлѣніе, будто она развивалась самостоятельно, внѣ всякой зависимости отъ западно-европейской литературы. Дѣйствительно, наша литература въ это время была посвящена своему домашнему, русскому дѣлу—развитію русской національной идеи. Она выполняла эту задачу оригинальными средствами, безъ подражанія западнымъ писателямъ. Напротивъ, сами русскіе писатели оказывали вліяніе на западно-европейскую литературу, особенно Достоевскій, подъ воздѣйствіемъ котораго эта литература находится и по сіе время.

Однако, если расширить предѣлы изслѣдованія и разсматривать литературу параллельно съ жизнью, русской и европейской, мы замѣтимъ рядъ перекрещивающихся вліяній, найдемъ неожиданную и парадоксальную связь между ними: русская литература на протяжении XIX ст. находилась подъ вліяніемъ европейской жизни, а русская жизнь—подъ вліяніемъ европейской литературы. Мы переживали въ литературѣ то, что европейцы осуществляли въ жизни, и наоборотъ. Европейская жизнь не вліяла на русскую жизнь, но за то вліяла на русскую литературу.

Если наша литература была посвящена разработкѣ національной идеи, то и въ европейской исторіи это время характеризуется сложеніемъ и развитіемъ національныхъ идей. Но Европа работала въ этомъ направленіи волей, въ жизни, а не только мыслью, въ литературѣ. Пробужденіе національнаго самосознанія и стремленіе отдельныхъ народовъ осуществить наиболѣе полно въ своемъ государственномъ бытѣ свою національную волю составляетъ сущность европейской исторіи XIX ст. Только къ концу вѣка это направленіе уступаетъ мѣсто коллективистическому теченію, которое группируетъ человѣчество по инымъ признакамъ, по противоположности классовыхъ интересовъ.

Съ другой стороны, если посмотрѣть въ это время на жизнь русскаго интеллигента, то мы найдемъ ее подъ неотразимымъ вліяніемъ западно-европейской литературы, а еще вѣнче—каждый разъ—подъ вліяніемъ той или иной книги. Онѣгинъ, Печоринъ, Ру-

динъ, Базаровъ, Неждановъ,—всѣ они живутъ по европейской книжкѣ. Первые два—по Байрону. Когда появился на свѣтъ идеалистъ Рудинъ, на Западѣ замѣчался особенный подъемъ національной идеи, и тогда наши интеллигенты устремились въ Европу учиться жизни, но учились не у самой жизни, а опять-таки по книгамъ. Базаровъ съ презрѣніемъ отбросилъ эстетику, философію, исторію, и взялся за Бюхнера, Мошотта, Фогта... Наконецъ, въ рукавъ послѣдняго поколѣнія мы уже видимъ Шульце-Делича и Лассаля.

Но мы живемъ не такъ, какъ европейцы. У нихъ быть уже сложился крѣпко, и они никогда не принимаютъ теорій въ чистомъ ихъ видѣ, безъ примѣси особаго жизненнаго элексира, дѣлающаго теорію примѣнимой. Напр., теорія Маркса во всѣхъ европейскихъ странахъ подверглась своеобразному видоизмѣненію. Въ нашей культурной пустынѣ теоріи выскакиваютъ изъ книгъ прямо въ жизнь, безъ всякихъ примѣсей. Конечно, они осуждены на гибель. Потому-то теоріи и мѣняются у насъ такъ часто.

Указанный выше парадоксальный порядокъ взаимодѣйствія литературы и жизни продолжался до 80 г.г., до наступленія въ Россіи тягостной реакціи, когда всѣ умственные теченія замираютъ. Въ половинѣ 90-хъ г.г. мы снова пробуждаемся и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаемъ, что прежняго парадокса въ ходѣ русской культуры уже нѣтъ. Въ русской жизни—тѣ же широкія теченія, что и въ западной жизни, а русская литература развивается въ одномъ направленіи съ европейской литературой. И тамъ и у насъ въ жизни господствуютъ широкія коллективные теченія, а въ литературѣ—крайній индивидуализмъ.

Послѣдній развивался у насъ стихійно, несмотря ни на какія насмѣшки надъ писателями-индивидуалистами, которыхъ широкая публика обобщила подъ именемъ декадентовъ. Такъ же стихійно развивался и коллективизмъ, и всего черезъ 10 лѣтъ привелъ къ перелому въ нашей жизни и въ исторіи. Но на другой же день послѣ этого случилось нѣчто загадочное. Коллективизмъ, разбившій, казалось, непреодолимая препона, вдругъ оказался безсильнымъ, исчезъ,—и въ жизни воцарилось личное своеволие. Говорятъ, будто коллективное теченіе расплылось, наполнило собой всю атмосферу, но на самомъ дѣлѣ только коллективисты изъ жизни устремились въ литературу, а индивидуализмъ изъ литературы стихійно перенесся въ жизнь.

Что произошло? Можетъ быть, воля народа оказалась недостаточно твердой или самыя цѣли неосуществимыми? Во всякомъ случаѣ источникъ лежитъ глубже, въ психологіи отдѣльной личности. Каждый изъ насъ—живой парадоксъ. Мы думаемъ тамъ, гдѣ надо дѣйствовать, и дѣйствуемъ тамъ, гдѣ надо думать. Разумъ и воля у насъ какъ бы перемѣнились ролями. Мы стремимся сейчасъ же провести идеаль полностью въ жизнь,—мы не умѣемъ жить, у насъ нѣтъ жизненнаго инстинкта.

Современная русская литература, пережившая въ началѣ XX ст. переломъ, выразившійся въ рѣзкомъ переходѣ отъ индивидуализма къ коллективизму, насчитываетъ 10—15 лѣтъ своей жизни. Она представляетъ собой замѣчательно яркое зрѣлище. Какъ будто открылись какіе-то шлюзы, и тихая русская жизнь и литература наполнились толпой талантовъ. Одна изъ особенностей нашей новѣйшей литературы—это отсутствіе преемственности идей у писателей. Прежде каждый изъ нихъ добросовѣстно изучалъ своихъ предшественниковъ и выводилъ свою родословную отъ одного изъ великихъ писателей—родоначальниковъ какой-либо литературной школы. Кромѣ того, старые писатели по-долгу вынашивали свои идеи и образы, прежде чѣмъ отдавать ихъ на судъ читателей.

Теперь не то. Самое представление о преемственности идей утрагилось. Каждый писатель чувствует себя как бы родоначальником особаго теченія. И уже не вынашиваютъ своихъ произведеній: сегодня пишутъ, завтра печатаются, а черезъ годъ уже выпускаютъ „полное собраніе сочиненій“. Но нельзя тѣмъ не менѣе отрицать, что на всей современной русской литературѣ лежитъ печать яркаго, самобытнаго дарованія.

Не смотря на свою молодость, новѣйшая русская литература успѣла пережить отмѣченный выше кризисъ. И тутъ то съ особенной силой сказался прежній парадоксъ: символисты превратились въ эс-де, декаденты—въ политическихъ радикаловъ; символисты встали во главѣ боевыхъ журналовъ, а декаденты начали писать памфлеты.

Изъ современныхъ писателей, на творчествѣ которыхъ съ полной силой отразился этотъ переломъ, наиболѣе яркими являются Горькій и Андреевъ,—эти, по выраженію А. Н. Лисовскаго, двѣ живыхъ сказки русской жизни, въ совершенно русскомъ духѣ. Оба начали индивидуалистами и оба перешли потомъ къ коллективизму.

У Горькаго критическій моментъ считается временемъ упадка его таланта. Въ дѣйствительности онъ былъ занятъ только исканіемъ новаго Бога. Онъ нашелъ его и далъ намъ въ своей „Исповѣди“. Андреевъ, какъ и Горькій, обнаружилъ переломъ въ произведеніяхъ драматическихъ. Уже въ „Царь-Голодѣ“ замѣтно сильное коллективное теченіе. Оно отразилось у него въ другихъ произведеніяхъ, но вполнѣ выразилось только въ разсказѣ о семи повѣшенныхъ“. Горькій и Андреевъ какъ бы раздѣлили между собой жизнь и литературу. У одного—внѣшняя драма, у другого—внутренняя трагедія. У перваго коллективизмъ приходитъ къ культу подвига, а у втораго—къ прославленію жертвы.

Индивидуализмъ не остался, конечно, безучастнымъ къ перелому. Въ агци-башевскомъ „Санинѣ“ находитъ свое выраженіе протестъ личности противъ тѣхъ лишеній и жертвъ, которыхъ отъ нея требуетъ развитіе коллективныхъ теченій. Повинуясь общимъ вліяніямъ, и этотъ протестъ скоро теряетъ свой жизненный характеръ, изъ жизни переходитъ въ литературу.